

КОСТЕР ПЕРЕД РАССВЕТОМ,

ПОД ЕГО ОКНОМ

Монодрама

На сцене полумрак. Появляется Ж е н щ и н а. Одета несколько необычно: длинная, черная юбка в крупную складку, грубо связанная мешковатая блузка, перехваченная широким поясом. Глубокий вырез на груди прикрыт большой кашемировой шалью, лента на черной шляпе из того же кашемира. Входит стремительно, но чувствуется неуверенность, потому что она здесь впервые. Правой рукой тащит за собой чемодан на колесиках, который неаккуратно закрыт. Левой придерживает сползающую с плеча большую сумку. Дойдя до середины сцены, останавливается. Пытается определить время на ручных часах, но не может разглядеть стрелок в темноте. Раздосадованная, едва слышно чертыхается, с трудом (*сумка все время сползает*) достает из кармана юбки мобильный телефон и освещает экран.

ЖЕНЩИНА (*тихо, но умело свистнув*). Еще нет шести?.. (*Немигающим взглядом смотрит на экран и, словно приняв нелегкое решение, быстро набирает номер. Отчетливо слышно: «Абонент временно недоступен». В сердцах.*) Надо же, он стал недоступен... Обычно он не отключал мобильник, доступен был все двадцать четыре часа. А сейчас, видите ли, вырубился... не в зоне действия сети... А!.. Может, он угодил в другие сети? Может, он под одеялом... под шелковым одеялом... причем – красным... (*Прикидывая в уме.*) Нет, лучше, под черным. Во французском журнале была спальня: постель – вся из черного шелка, с потолка свисает черная люстра, а под кроватью – белые тапочки. (*Вновь набирает номер и почти удовлетворенно слышит металлический голос.*) Да, адресат находится в сетях черного покрывала, да еще в белых тапках. (*С пренебрежительной мимикой после нескольких попыток сует телефон в карман, оглядывается.*) Похоже, приехали... Я в этих краях еще не бывала... А может, бывала? (*Пытается различить номер дома.*) Да нет, далековато от центра, какие у меня могли быть дела в этой тьмутаракани?.. Но все же нужную улицу мы нашли, остается – дом. (*Проделав полный круг, взгляд ее возвращается к исходной точке.*) Найдешь, как же... где у них тут номер дома?.. (*Вталкивает вовнутрь ручку чемодана, прислонив его к*

стене. Сумка соскальзывает и падает рядом с чемоданом. Женщина потирает одеревеневшую руку, потом быстро проходит вдоль кулис, тщетно что-то выискивая.) Хотела бы я знать, почему номера не обозначены на домах? Столица, с древнейшей историей, а сто граммов краски жалко, чтобы обозначить на стене несколько цифр... *(Говоря это, возвращается к чемодану и как бы обращается к нему.)* Ну вот, опять берешься решать чужие проблемы. Какое мне дело, есть краска или нет, да еще сто граммов. *(Сосредоточившись на последних словах.)* Кстати, сто грамм не помешали бы... *(Поеживаясь – холодно.)* А в мае по ночам довольно холодно. Тем более на улице... *(Бережно закутывает шею шалью, так же бережно ставит рядышком чемодан и сумку. Словно не зная, что делать дальше, застывает, устремив взгляд в зал. Пауза длится по возможности долго, после чего Женщина должна взорваться. Она отталкивает ногами в разные стороны чемодан и сумку, в бессильной злобе срывает и отшвыривает шаль. Шагает, а затем бежит вдоль кулис. Убыстряя бег, резко останавливается возле шали и медленно, обессиленно опускается на пол. Пауза.)* Только бы рассвело... поскорее бы... в котором часу светает? В календарях указывается: рассвет тогда-то, закат солнца тогда-то... И кому это нужно? Кто в большом городе видит рассвет?.. Будильник зазвенел – день твой начался, в четыре утра или в девять... *(Пытаясь сосредоточиться.)* Что я говорила?.. Да, как рассветет, кто-нибудь из жильцов выйдет, и я спрошу номер дома. Его мой вопрос не удивит... А почему должен удивить?.. *(Сама себя убеждая.)* Час назад я спустилась с самолета, приехала навестить дальнюю родственницу и пытаюсь найти... *(Напрягаясь и сосредотачиваясь.)* А ведь я и сейчас могу его найти... *(С просветленным лицом, вскакивает с места.)* На соседнем доме... или нет... на вон том, на каком-то из них должен быть номер!

Убегает за кулисы, с полпути оборачивается – вещи! Возвращается, ставит чемодан и сумку рядом, берет шаль и уходит, но снова возвращается, чтобы закрыть их шалью, и убегает.

Когда возвращается, на лице ее нечто вроде довольной улыбки. Останавливается перед зданием, засунув руки в карманы юбки и окидывая его победным взглядом.

ЖЕНЩИНА. Если мэр не хочет тратиться на белую краску, то у нас хватит смекалки иначе уточнить твой адрес! На соседнем здании метровыми цифрами написано «12», значит, ты «13-й». То, что мне нужно! *(Вынимает из кармана телефон, смотрит на экран, свистит.)*

Тридцать восемь минут пятого... Город спит, улица спит, спит дом. И ты тоже спишь. Под черным одеялом. А я здесь, под твоим окном... *(Она сникает, сосредоточенно хочет что-то вспомнить. Не может.)* Черт побери, какая же была квартира?.. Что за idiotские мозги, любой балет помню наизусть от начала до конца, а две паршивые цифры не могу запомнить. *(Закрывает глаза, пытается вспомнить.)* Шестнадцать... или девятнадцать?.. Как он сказал?.. Уф, голова трещит! Ну-ка, сосредоточься и вспомни по порядку... Улица Весенняя, тринадцать... *(Открывает глаза.)* Или двадцать три?.. Нет, тринадцать. *(Закрывает глаза.)* Квартира шестнадцать... девятнадцать... *(Открывает глаза.)* Или двадцать девять?.. *(Нервно достает из кармана телефон, набирает номер, довольно долго ждет. Наконец на том конце отвечают.)*

ЖЕНЩИНА *(не считаясь с временем суток)*. Слушай, какой был номер квартиры?.. Что значит «какой квартиры»?.. Как это «кто я»? Подругу детства не узнаешь?!.. А что такого?.. Нет еще и пяти?.. Тебя – дурой?.. Ну что ты! Да, в такой час только я могла... Но что тут такого?.. Ты спала? *(На том конце провода кто-то близок к инфаркту. Просительно.)* Кара... Родная, ну не злись, ты ведь меня знаешь... Ах, еще полностью не знаешь?.. Ничего, вся жизнь впереди. Ладно, об этом потом. Ты только скажи номер квартиры. Как – какой квартиры?.. Моего мужа... Что?.. Почему бывшего? А, ну и пусть... не нужны мне сейчас твои советы! Мне твоя память нужна... Да, улицу и дом нашла... на остальное у меня не хватило памяти... Да... Что?.. восемнадцать?.. *(На миг оторвавшись от телефона. Про себя.)* Ну и память же у меня, шестнадцать, видите ли, и даже девятнадцать. Позор! *(В трубку.)* Что? Я не с тобой... С кем говорю? Какое твое дело, ты лучше спи давай... *(Нетерпеливо выслушивает подругу.)* Ладно, я тоже выпью снотворного и усну... как ты... Угу, хорошо укутаюсь одеялом... красным шелковым. *(Дает отбой и, немного поколебавшись, набирает номер, после знакомого металлического голоса отключает и сует мобильник в карман. Деловым тоном.)* Значит, восемнадцать. Сейчас мы обнаружим вражеское логово... *(Идет за кулисы, возвращается,*

встает лицом к зданию и вычисляет.) На первом этаже две квартиры, на остальных – по три. Этажей пять. *(Считает, прикидывая и воображая.)* На первом – две квартиры. Третья, четвертая, пятая... *(Складывает второй палец.)* Шестая, седьмая, восьмая... *(Складывает третий палец.)* Девятая, десятая, одиннадцатая... *(Складывает четвертый палец.)* Двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая... *(Складывает пятый палец. Взгляд ее направлен на центральные кулисы.)* Пятнадцатая, шестнадцатая... первый этаж, семнадцатая, восемнадцатая... *(Победным тоном.)* Второй... второй этаж! *(Снова вычисляет в уме.)* Окно с левой стороны... нашла! *(И ее победный пафос тут же гаснет, она вновь растерянная, не уверенная в себе женщина. Выдерживая долгую паузу, смотрит на «окно».)* Ты – обычное окно, если бы я не знала, кто сейчас там, спокойно прошла и даже не посмотрела бы в твою сторону, и ты было бы нулем, большим квадратным нулем, но... *(Ищет вокруг камень или что-нибудь похожее, не находит, вынимает из кармана платок, узелками делает клубок, уже собирается бросить в окно, однако передумав, хочет сунуть его обратно в карман, но бросает за кулисы. Пятясь, приближается к своим пожиткам, медленно, грузно опускается рядом. Совсем новым тоном.)* Ты сейчас там, в комнате... *(Пересиливая себя, заставляет произнести.)* С н е й... с ней!.. Как иногда одно всего лишь слово может быть столь многозначно!.. С ней – то есть с женщиной, любовницей... новой любовью, потому что прежняя это я. *(Со стороны рассматривая себя.)* Уже – бывшая жена. Потому что мой уже бывший муж несколько часов назад нашел здесь сексуальное убежище, естественно, взяв с собой... *(Но мысль ее уже занята другим. Не договорив, вынимает мобильник, и на освещенном экране считает часы.)* Он вернулся домой, как обычно, в половине седьмого, поужинал. Как обычно, поел с аппетитом, все как положено, и любимое блюдо – макароны по-флотски... Как обычно, съел с хлебом. Мама верно говорит: против человека, кушающего макароны с хлебом, нет ни лома ни приема!.. Поел, выпил кофе, стал добреньким, мягеньким, пушистеньким, как лежавший в кресле кот, не доставало только мурлыканья. Но и до мурлыканья тоже дошло. Он посерьезнел, и скорбно, как на похоронах, произнес: «Поговорить надо». От удивления или смутного предчувствия нож выпал у меня из руки. «Ой, мужчина к нам придет!..», – как идиотка

произнесла я. «Там видно будет», – произнес он глубокомысленно, встал, и так бережно, точно я стеклянная, усадил меня на стул и (*подражая*): «Поверь, на этом свете меньше всего тебе бы хотелось причинить боль». – «Ну так не причиняй...», – будто бы пошутила я. «Ты умная, сильная женщина». Тут я напряглась. Если твой муж ни с того ни с сего, да еще после сытного ужина, делает такой сомнительный, я бы сказала, оскорбительный комплимент, значит, тут что-то неладно. Я выпрямилась на стуле, а лицу придала выражение, по моему понятию, соответствующее его оценке. (*Гротескное подражание.*) А он опустил на колени, взял мои руки и: «Я люблю другую. Прости, так получилось». И своими бесстыжими глазами уставился мне прямо в глаза, и рук моих не отпускает. И почему он так вцепился в мои руки?.. Будь я сентиментальной душой, подумала бы: это последнее прости. А на самом деле... он меня лучше знал, и не сомневался, что на такое признание я отвечу пощечиной. У-уф-ф, никогда бы не подумала, что руки у меня будут так чесаться! А он продолжал сжимать мои пальцы и, уставясь неподвижным взглядом гипнотизера, напирал: «Я честный человек, и не могу обманывать ни тебя, ни ее». Я хотела что-то сказать, не знаю что, но все же сказать... (*Эту вереницу слов она должна произнести словно на одном дыхании, по возможности гротескнее.*) ...просить – убеждать – опровергать – ругать – умолять – оскорблять – напомнить – унижить – задобрить – уязвить – соблазнить – заклинать – терроризировать... но тут я почувствовала, что вообще потеряла дар речи. И все слова растеряла. Ни одного слова не помню. Хотелось только высвободить руки. (*С усмешкой.*) Но мой компьютерно мыслящий муж все заранее предусмотрел. Коротко, словно нажал на Delete, сказал: «И наконец я хочу ребенка». (*Пауза.*) Тут я вспомнила все слова, а руки мои... ослабли. И он отпустил мои руки. Потом вытащил из гардероба баул, и я увидела, что он был заранее собран-уложен. Недаром же он программист... Штучный негодяй! Я подобрала с пола нож и поняла, что только выпавший из рук нормальной женщины нож может означать приход мужчины. А когда нож выпадает из моих рук – мужчина уходит...

Телефонный звонок. Она не сразу понимает, что звонят ей. Потом быстро шарит в складках юбки, дрожащей рукой высвечивает экран и смотрит. Она разочарована...

ЖЕНЩИНА. Ну что ты не спишь и другим не даешь спать? Я?.. Сплю. Выпила снотворного и отключилась. Да, разговариваю во сне. Дома, где я могу быть?.. Домашний телефон выключила, потому не отвечает. Честное слово. Честное, сварливое слово обманутой, покинутой женщины. Глупости не сделаю, обещаю. Я умная и сильная женщина. Что? Хочешь узнать, что делает в такой час умная и сильная женщина после исчезновения мужа?.. Генеральную уборку делает... Да, все в доме прибрала, почистила и уснула под красным шелковым одеялом. Почему красным? Ну, не черным же, я не намерена объявлять траур. Так что только под красным. Нет, крови не жажду... И не кривляюсь... Я же сказала – у меня еще крыша не поехала... Слушай, иди-ка ты спать, и мне не мешай уснуть... Что? Не смей приходить, слышишь, и не подумай! В утешениях не нуждаюсь и соблезнований в такой час не принимаю. Дверь тебе не открою. Да, придешь, постоишь за дверью и уйдешь как миленькая. Ты меня знаешь, я не шучу. Не хватало еще угощать тебя чаем в полночь и выслушивать твои причитания... *(Дает отбой. «Окну».)* Конечно, было бы неплохо... выпить вместе с Карой горячий чай в теплой кухне и смачно перебивать тебе косточки... Пропесочили бы тебя хорошенько, в порошок бы стерли и пустили по ветру. Объявили бы абсолютным нулем, таким же, как и весь род мужской... А я предпочла теплую кухню и мою Кару посиделкам под окном, черт знает где. *(Сосредотачиваясь.)* А что я делала... до звонка? Ага... *(Смотрит на экран мобильного. На глаза навертываются слезы. Губы неслышно шевелятся, опять что-то вычисляет. Постепенно становятся слышны ее слова.)* Новости кончились... Потом эта идиотская передача «Кто хочет стать миллионером?»... Потом... было наверное половина девятого, когда ты ушел. Будем считать, что в половине девятого. *(Считает на пальцах.)* Половина девятого, половина десятого, 11-го... 12-го... 1... 2... 3... 4... 8 часов, примерно восемь с половиной часов. *(С едкой насмешкой к самой себе.)* Я уже восемь с половиной часов покинутая женщина. Восемь с половиной часов ты подлая скотина. Восемь с половиной часов вы с ней вместе... под черным шелковым одеялом... А я здесь, под вашим окном... *(Сдергивает шаль, накидывает на плечи, открывает сумку, роется в ней, достает пачку сигарет, но зажигалки не находит. Сует пачку в другой карман, нервно переворачивает сумку. Чего*

только в ней нет! Куча такая пестрая и занимательная, что Женщина, словно позабыв обо всем, опускается на колени и по одному рассматривает вещички.) Кто-то сказал: если хотите понять душевное состояние женщины, загляните в ее сумочку. Наверняка американец, они так любят копаться в душе... *(Насмешливо осматривая кучу.)* Значит, вот это и есть мое душевное состояние, валяющееся на улице. Как похоже на меня! *(Вынимает футляр – пустой.)* Очки взял, а очешник забыл. Опять сунул в карман, поэтому раз в месяц отдает очки в ремонт. А может, нарочно забыл, это же мой подарок на годовщину нашей свадьбы! Два года назад... Подумаешь, разыгрывает гордость, а если завтра очки сломаются, что будет делать?

(Откладывает футляр в сторону. Демонстративно размахивает несколькими флешками.) Эти тоже я купила – мне оставил. Держу пари, что он заранее почистил все аудиозаписи, даже мои любимые мелодии! Мальчик следы замечает... *(Бросив флешки на футляр, вынимает несколько трубок, внимательно разглядывает.)* Коллекцию унес. Ты посмотри, а что ему нужно – не забыл! А эти... *(Бросив одну рядом с футляром.)* У этой трубки отбит нос. *(Взяв другую.)* Эта надтреснута. Знает, что брать, что оставлять. Это же не флешки, а фирменные трубки, из дорогого дерева, ручной работы. *(Нервно перемешивает кучу. Со сдерживаемой яростью.)* А это что?.. Да, брелок. Он так и не сказал, кто ему подарил, но взять забыл. Значит, не женщина дарила, как я думала. Справочник... брелок... О, если он забыл это – «Тайны чисел», – то значит, здорово спешил наш беглец!.. Или его торопили... *(Мысли уводят ее куда-то, она должна прийти к выводу, которого боится, вернее, гордость не позволяет сказать, поэтому комкает слова, но зрителю это должно быть понятно. Глядя на окно.)* А чего он торопился? Пожара вроде не было, потопа не предвиделось, машина «Скорой помощи» не стояла у подъезда. Может, это она торопила?.. *(Будто бы копируя соперницу.)* «Милый, я больше не выдерживаю... уже считаю минуты... *(Даже вдохновившись.)* Шошеди косятся. А мама уже давно ишпекла торт... *(Едко.)* Не проподать же добру!.. *(Продолжая игру.)* А шамое главное... *(Подносит руки к животу, поглаживает.)* Шамое главное... мы... *(Опомнившись, смотрит на свои руки, осторожно отводит их от живота. Вновь роется в сумочке. Почти озлобившись.)* Во всем этом хламе хоть что-нибудь мое есть?.. Вс, – его?.. Понимаю, все эти

годы меня не было, был только ты, ежесекундно, на каждом сантиметре нашего дома. Были твои требования, твой вкус, твоя депрессия, твои... твои – твои – твои... Но я ведь жива, хоть маленькая часть меня осталась же, хоть крохи какие-то... Но и этого я не нахожу ни в сумке, ни в душе. Получается, меня нет? М е н я н е т? *(С безудержным криком.)* Я есть, черт побери! Есть я!.. Слава богу, нашла! *(Победно.)* Моя косметичка!.. *(Открывает и с удовольствием перечисляет содержимое.)* Помада, черный карандаш, крем, расческа,.. еще одна помада... духи! *(Осторожно вынимает пузырек, нюхает. С умилением.)* Только французские духи могут напомнить женщине, что она женщина... Даже здесь. *(Словно придя в себя, оглядывается кругом.)* Здесь... Что я здесь делаю?.. Зачем пришла?.. Может, я схожу с ума? *(Вскакивает с места, вне себя, мечется туда-сюда.)* Как я оказалась здесь, среди ночи?.. *(Взгляд ее падает на чемодан, точно видит его впервые.)* И этот чемодан... Что подумают люди?.. *(Лихорадочно, на коленях собирает и запихивает в сумку все вынутое.)* Если спросят, что ты здесь делаешь, уважаемая мадам, с этим чемоданом и вещами, в такой час, что я отвечу? *(От последнего вопроса ее настроение круто меняется, просыпается дух противоречия. Оставив сумку, встает и принимает полную достоинства позу. С самоиронией.)* Незачем удивляться, раз мужья находят других, собирают свои манатки и вчера вечером, примерно в половине девятого, уходят ко всем чертям... *(Показывая.)* Вон туда! Прошу учесть, что мы очень любезно расстались, без душераздирающих сцен, почти по-дружески. Вы хотите узнать, что случилось после этого? За него я, естественно, не отвечаю, а что касается меня... я загорелась горячим желанием очистить мой дом от злого духа. Да, да, не удивляйтесь, всю ночь я чистила и убирала в доме. А когда образовалась груда хлама... э-э... простите, его вещей, я сунула все это в чемодан и сумку и притащила сюда... *(Со слащавой улыбкой.)* Да, да, с самыми благородными намерениями вручить их хозяину. Ну и пусть, что час неподходящий... вы знаете, что чувствует человек в чисто прибранной, пустой квартире? Когда он остается один? Когда комнаты становятся неожиданно такими большими, что ты сжимаешься, сжимаешься, превращаешься в такого маленького... Э, не знаю даже в кого. И это чувство тебя подавляет, унижает, и ты начинаешь себя жалеть... И жалеешь до тех пор, пока не берешься за поиски

виновного во всем и, конечно, находишь... себя. По той простой причине, что в поле зрения другого никого нет. Ты одна – покинутая, жалкая и виноватая. Виноватая во всем, и в первую очередь – в его уходе. Если б ты была хорошей, если б смогла удержать возле себя, почему он должен был уйти? Кто это оставляет незаменимую и уходит... черт знает куда... или к кому?.. За эти несколько часов я поняла, что ужасно не одиночество, а то чувство вины, что проникает тебе под кожу, просачивается в твою кровь и с каждым биением твоего сердца напоминает: виновата-во-всем-ты, виновата-во-всем-ты... виновата... *(Криво улыбнувшись.)* Не понимаете, о чем я говорю? Тогда почему вы суετε свой вездесущий дурацкий нос в чужую душу? По какому праву вы удивляетесь, что я здесь? Я могу быть здесь, я должна быть здесь! А вы ступайте с глаз моих прочь, пока я их не выколола вам, сучка сраная!.. *(Еще больше распляясь.)*

Сплетница проклятая, стерва, убирайся отсюда, не то!.. Думаешь, не знаю, с каким наслаждением будешь описывать эту сцену своим подружкам? «Ой, умереть – не встать, как она обняла барахло мужа и восседала под его окном!.. Точь-в-точь умирающая лебедь, пуантов только не хватало». И станут гоготать... потому что ни на что другое они не способны!

(Опомнившись, оглядывается вокруг, медленно приближается к «окну», глухим голосом.) Что ты натворил?.. Ты понимаешь, что натворил! Я сама еще толком не разобрала, но знаю: ты сделал что-то непоправимое, безжалостное, жестокое, чего не должен был допустить!.. Я ведь верила тебе. Так верила, что и не знала, что это называется доверием. Я тебе сразу же поверила, с первой нашей встречи! Ты протянул мне деньги и сказал: «Знаете, я один, так что мне положено самое лучшее место, конечно же, в партере». Я и в самом деле выбрала самое лучшее место, протянула тебе билет, а место рядом оставила себе. И как ты удивился, когда за секунду до того, как погаснет свет, я, задыхаясь, плюхнулась в кресло рядом с тобой! Еще бы, не каждый день кассирша восседала рядом со зрителем в партере. После спектакля ты проводил меня домой. И это было так естественно, что я впервые подумала: не такая уж я невезучая, как думала про себя до этого вечера... Утки-неудачники – это, помнишь, из «Саги о Форсайтах». Джун так называла художников – неудачников. «Уточка-неудачница». А это про меня, это я и есть... Господи, как же так случилось, что я в первый же вечер рассказала тебе

обо всем! Пожалуй, подействовало и то, что мы с тобой смотрели в тот вечер «Жизель». Мою Жизель... За все время спектакля, даже во время антракта, ты ни слова не произнес, а когда наши взгляды случайно встречались, ты лишь улыбался. Когда же мы вышли из зала, ты так непринужденно спросил: «Проводить вас?», что я даже не уловила в голосе вопроса. Я напевала под нос увертюру... А ты слушал и... по-прежнему улыбался. Я начала рассказывать... Как впервые, в пятилетнем возрасте, став у станка, я поняла, что больше всего на свете хочу только одного – танцевать... в балете. Рассказала об автомобильной аварии... Знаешь, кроме наших, никто об этом не знает... я никому не рассказывала до того вечера. А тебе призналась, что после той аварии больше не танцевала. С такими переломами не то что танцевать, ходить было мучительно. Чтобы окончательно не разлучаться с балетом, я стала кассиршей там, где мечтала быть прима-балериной. Во время рассказа я почувствовала такой холодок на душе: и зачем я ему рассказываю, что он обо мне подумает? Я бы убежала, не попрощавшись, но... ты нашел тогда самые нужные слова: «Если б вы не продавали билеты, а танцевали на сцене, я вряд ли сейчас провожал вас домой». Ты в любой ситуации, милый, находишь самые нужные слова...

(Телефонный звонок. Поспешно вынимает из кармана мобильник, отвечает, не глядя на номер.) Кара, дашь ты мне, наконец, спокойно выспаться! Пойми, я сплю!.. Мам?.. Мама, это ты? Почему ты не спишь? Моя подруга?! У нее, что, крыша поехала? Почему она тебя потревожила? Мам, мама, выслушай, выслушай... Хоть одну минуту можешь выслушать?.. *(Смирившись.)* Ну, ладно, говори... Да, я так и не поумнела... и всегда буду сидеть у разбитого корыта... *(Машинально повторяет.)* Потому что я неисправима... Никаких выводов из ошибок не делаю... Потому что не слушалась тебя. *(Взбунтовавшись.)* Это я-то не слушалась?! А может, слушалась больше, чем надо было? Ну да, его выбрала я сама, и ничуть не жалею. Да, не до конца осознаю, не чувствую, да, и не сожалею, потому что сплю... *(На четвереньках подползает к сумке, шарит в ней до тех пор, пока не извлекает зажигалку. Но сигарет не находит. Нервно.)* Когда ты наконец поймешь, что я совершеннолетняя... давно уже... Ну и что? Кто-то должен быть невезучим, пусть же это буду я... *(Нервозно.)* Теперь выслушай меня.

Ничего ужасного не произошло. Да, ушел... к чертям собачьим! *(С нервным смехом.)* Ах, как я могу так выражаться!.. *(Хочет сдержаться, не может.)* А теперь послушай ты. Из-за твоего благородного воспитания меня всегда притесняли, унижали, зажимали, попирали... Да, разве ты не знала, что твоя дочь ничтожество, что она бесхребетная, безвольная... тряпка! И все из-за твоего вос... *(В том конце трубку бросают. Погасшим голосом.)* Обиделась. Теперь целый месяц не будет разговаривать... *(Глядя на зажигалку в руке.)* Закурю я, наконец, сегодня или нет?.. *(Ищет в сумке сигареты, так и не находит, и раздосадованно отбрасывает зажигалку. Набирает номер мужа, слышится металлический голос. На фоне голоса.)* Из трех подруг одна разведена, другая вовсе не вышла замуж, а у третьей такой муж, что лучше б его не было. А моя сестра каждую неделю обещает или развестись, или наставить мужу рога, или же убить его голыми руками. С такой статистикой либо с Киевского моста хочется сигануть, либо, наплевав на все, повернуться зубами к стене и уснуть. А можно еще жить, как моя соседка Зара. Муж возвращается домой на рассвете, она смотрит на помятую рожу своего героя, делает соответствующие выводы и звонит любовнице: «Слушай, девушка, ты что за моим мужем плохо смотришь?.. Бледный он какой-то, овсянки ему не даешь?» *(Истерический смех вдруг прекращается. Озабоченно.)* А кто сказал, что Зара неправильно живет? Из всех знакомых мне интеллектуалок Зара умнее всех и трезво смотрит на жизнь... А если б я тоже?.. Что, я хуже Зары, не могу делить мужа с кем-нибудь?.. *(Как бы принимая решение.)* Номера телефона я еще не знаю, но ведь можно и так, а? *(Новая игра самоиронии.)* «Мадам... простите, нас еще не представили, так что пока просто мадам... вручаю вам своего мужа – из рук в руки. Проверьте, пожалуйста: весьма ухоженный, сытый, одет-обут как надо, и вы должны оценить его свежий товарный вид. Но чтобы он сохранил лицо и впредь, будьте любезны соблюдать его дневной график: поить-кормить качественной едой, укладывать в положенный час спать, во всех смыслах этого слова... Носки ему меняйте каждый день, если не хотите неприятного запаха, ах, простите, но это так, вы еще успеете узнать. Сорочку тоже меняйте каждый день – он потеет... Когда садится за компьютер, ни под каким видом не мешать, не отвлекать, и через к а ж д ы й ч а с подавайте кофе. Не забывайте всего сказанного, если хотите... *(С*

двусмысленной улыбкой.) Правда, в моем случае это не помогло. Кто знает, что ожидает вас!»

(Игра окончена. Едко.) Как хорошо, что я не Зара, я могу только торчать под твоим окном.

(Звонит подруге.) Разбудила?.. Чудесно! Это не садизм, попадись сейчас ты мне в руки, узнаешь, что такое садизм! Почему потревожила мою мать?.. Что значит «беспокоилась»?.. У тебя есть мозги?.. Забыла о ее давлении? А если б у нее был инсульт, как бы ты себя чувствовала? Что?.. Я же говорила тебе: не звони! Я выпила снотворного и выключила телефон... Не надейся, я так легко не отказываюсь от жизни... Мама?.. Не знаю, сейчас же позвони ей и скажи, что была у меня, своими глазами видела меня дома, в ночной сорочке, полусонную... Да, позвони и соври, не мое дело, сама кашу заварила, сама и расхлебывай... Я звонить не стану... она на мой звонок не ответит... Да, оскорбила... Другого от меня и не ожидала? Ну, знаешь что!.. *(Чтобы не нагрубить, дает отбой, смотрит на экран.)*

Интересно, всегда так поздно светает, когда ты торчишь на улице?.. *(Звонок. Смотрит на номер, стараясь не выдать радости.)* Да, мамочка... нет, не обижаюсь... Конечно, ты всегда желала мне только добра... Да, и сейчас тоже. *(Снова механически повторяет ее слова.)*

Знаю... Ну да, ты так пеклась обо мне... Ну что поделаешь, если сестра у меня другая. Зато тебе не надо о ней беспокоиться... Да, обещаю, что буду поступать, как ты скажешь... Ты права, ничего я в жизни не понимаю... Да, как скажешь, позвоню, извинюсь... *(С истерическим криком вскакивает с места.)* Что?.. Просить прощения?.. Мам, ты это серьезно? *(Задыхается от ярости.)* Мне?.. Просить прощения?.. Но за что?.. Мам, ты хочешь, чтоб я просила прощения у этого сукиного сына? А то, что слышала! Повторяю: сукиного сына, гада ползучего, козла небритого! *(На том конце дают отбой. Мстительно.)* Ничего, учись, на свете есть и такие слова. И они нужнее, чем твои «мерси» да «сильвуплэ». Знала бы ты, что твоя дочь торчит ночью на улице и ни одной жалкой сигареты не может найти... Ну, что бы ты сказала, моя неженка мать?.. *(Ее мелкий смех постепенно переходит в истерический хохот. На самой высокой ноте она замолкает, встает и подходит к чемодану. Взявшись за ручку, начинает покачивать, точно детскую коляску. Глядя на «окно».)* Думаешь, не знаю, что ты хочешь ребенка? Для твоего полного самоутверждения ребенок необходим тебе как воздух. Но ты же

знал, я тебе говорила!.. Когда ты мне сделал предложение, я сказала, что авария лишила меня не только возможности танцевать... Разве ты не ответил, что это ничего не значит?.. Как я тебя любила в эту минуту!.. Нет, я тебя и до этого любила, а в тот момент я испытывала к тебе огромное уважение, невыразимое уважение... *(В голосе слезы. Укачивая чемодан-коляску.)* Был бы у меня ребенок, и ты бы ушел, разве я пришла б сюда?.. Обняла бы своего малыша, закрыла дверь, погасила свет и дождалась бы рассвета... *(Звонок. Посмотрев на номер, отвечает.)* Что? Не верит?.. А разве ты не могла ради подруги сломя голову помчаться к ней и оказать ей моральную поддержку? Верит? Тогда в чем же дело? *(С едким удовлетворением.)* Мать моя, как всегда, права, вернее, она хорошо меня знает. Я и в самом деле не открыла бы двери, и ты, естественно, не смогла бы видеть меня заспанной, в ночной рубашке... Тем более в ночной рубашке, потому что я ношу пижамы. Только! *(Почти злорадно.)* Что хочешь, то и делай... ты ей позвонила, ты и успокой ее. *(Бросает телефон в другой карман, в котором нащупывает и вынимает пачку синарет.)* Не может быть!.. *(Кладет сигарету в рот и застывает: а где зажигалка? В сердцах.)* Мать твою невезучую!.. *(С сигаретой в зубах ищет зажигалку.)* Пока рассветет, я, наверное, прославлюсь матерщинницей этого района! *(Находит зажигалку, с удовольствием затягивается.)* Что если тебе взбредет в голову выглянуть в окно?.. Нормально: просыпаешься и думаешь, а дай-ка выгляну в окно – новые виды, новые горизонты... Смотришь... и видишь меня – на тротуаре, да еще с сигаретой в зубах! Курения моего ты точно бы не вынес! Ты так заботился о моем здоровье, что курение для меня было чем-то вроде партизанской операции: где, когда и как закурить, чтобы ты не догадался? *(Беспомощно.)* Ты же и вправду беспокоился, ведь не притворялся? *(Лихорадочно.)* Боже мой, я начинаю подозревать тебя... сомневаться в твоей искренности, заботливости... Послушай, только честно: ты меня любил? Т ы м е н я л ю б и л? *(В ужасе.)* Я для тебя что-то значила?.. Нет, я не могу так думать... потому что я оскорблю тебя. О с к о р б л ю! А я не вправе так поступать. Что за дурацкие мысли!.. Когда мне сводило ногу, ты часами ее растирал, массажировал... А когда начинались боли в позвоночнике, ты бледнел, был такой беспомощный. Ты опускался передо мной на колени... *(В бессильной ярости.)* О, Господи, чем я перед тобой

провинилась, как ты мог позволить этому пьяному скотине сесть за руль и наехать на меня!..

(Словно в бреду.) Я вышла с репетиции... Партия Жизель была моей. *(С перерывами напевает куски из балета.)* Ла-ла-ла... Но вместо премьеры – операционный стол... потом еще несколько операций. *(«Окно».)* Думаешь, не понимаю, какво это иметь больную жену?.. Видеть, как она страдает... *(Гордо.)* Но я старалась не подавать виду, и мне это удавалось, пусть на восемьдесят процентов. *(Последний раз затянувшись.)* Больше не буду прятать сигареты на балконе, как подросток, чтобы потом тайком курить, когда буду развешивать белье. Вот видишь, уже есть что-то положительное в твоём уходе. Кара сказала бы «позитив»... позитивный момент, любимый... *(Встает, кричит.)* Л ю б и м ы й!.. *(Испуганно, тихо.)* Любимый, любимый... Если ты вдруг выглянешь в окно, что мне делать, как мне быть, любимый?.. Спрятаться за этим дурацким чемоданом или, схватив его, бежать без оглядки? А может, показать тебе это? *(Непристойный жест рукой.)* Ну что, ты шокирован?.. Мама бы точно упала в обморок. Нет, скорее всего, не упала бы, потому что она не знает, что это значит. *(Вынимает из кармана телефон, набирает номер.)* Mam, я тебя не разбудила? Ах, ты ждала моего звонка! Как хорошо, что я догадалась и позвонила! Что?.. Какое снотворное, какая пижама!.. Mam, я не дома... А что в этом такого? Да, не дома. В ночном клубе. Смотрю стриптиз... мужской. Я не выпила, честное слово, всего два martini, а третий официант сейчас принесет. Нет, не шучу, я вполне серьезно... Что – потом?.. Выберу одного из этих раздевающихся парней и попрошу проводить меня домой. Может, приглашу... выпить кофе. Никакой это не бред... Да не хочу я твоей смерти, хочу, чтобы ты поняла: это гораздо нравственнее, чем просить прощения у твоего бывшего зятя. *(Дает отбой, смотрит на часы, бросает в карман.)* Я зря теряю время, скоро рассветет, дом проснется, а мне еще столько предстоит сделать! *(Открывает чемодан, и что только не вываливается из него! Оценивающе-иронически рассматривает груды, вытаскивает первое попавшееся под руку – цветастую скатерть.)* Помнишь, мы с тобой в первый раз на этой скатерти пили кофе... *(Ищет, находит атласный женский халат. Скатерть и халат заворачивает вместе.)* Я была в этом халате... после нашей первой ночи. Кофе сварил ты. Не знаю, сладкий он был или горький, жидкий или... Знаю только, что это был

самый вкусный кофе на свете. *(С закрытыми глазами проигрывает все.)* Запах любви наших тел смешался с ароматом кофе... Знаешь, я в этот миг стала настоящей женщиной. То есть – твоей. Твоей – без остатка. *(Открывает глаза, нюхает скатерть и халат, потом, отделив их друг от друга, отбрасывает в сторону. Вынимает соломенную шляпу и надевает на свою черную шляпу.)* На Севане я разгуливала в этой шляпе... часа два. И обгорела. Всю ночь ты смазывал мне плечи кефиром, и при этом рассказывал анекдоты. Кефира хватило до утра, анекдоты кончились раньше, и ты их раз двадцать повторил. И всякий раз мы еще громче хохотали над ними. Я, ты... и кефир. *(Прощальным жестом швыряет шляпу, вынимает из груды туфлю без каблука.)* Каблук сломался около оперы, помнишь?.. Ну да, более подходящего места не нашлось, дал о себе знать синдром утенка-неудачника... Я растерялась, чуть не заплакала... А ты обнял меня и на руках донес до такси. А таксист так растрогался, что не хотел брать денег. Помнишь, милый? Или, обувшись в белые тапочки, ты уже забыл про все?.. А теперь и я забуду. *(Отбрасывает туфлю.)* Надо же, а это не так трудно – взять и выбросить! *(В бессильном гневе ищет в чемодане и находит CD.)* Ага, твой самый большой, самый дорогой подарок!.. «Жизель»! Сейчас, милый, чуточку терпения, и ты увидишь: я тоже могу... *(Пробует разбить CD, но рука не поднимается и, от этого еще больше разозлившись, разбрасывает ногами содержимое чемодана.)* Ты думал, ничего не забыл взять? А как же все это? Почему не забрал? По-твоему, тебе принадлежит только твоя глупая сорочка и галстук... или твоя трубка? Вот это все твое, твое!.. Я не могу оставаться в пустых комнатах вместе со всем этим! После твоего ухода они – как незаживающая рана, как боль, слышишь, ты! Обнял ее и дрыхнешь себе под черным одеялом!.. *(Садится среди разбросанных вещей, а CD бережно кладет рядом с собой. Ласково.)* Как я буду жить без тебя, как буду дышать, есть... к черту причесываться... к черту зубную щетку... Как же мне выдержать тоску по твоим словам, рукам? Как я вынесу твое отсутствие, если не выношу присутствия этих неодушевленных предметов!.. Но какое у меня предательское сердце!.. Оно не разрывается, изнывая от боли! *(Кажется, плачет... но с неожиданной злостью.)* Какая я дура, собрала-притащила все это тебе! Но ты уже не ты, ты уже чужой человек, и ты даже не вспомнишь, что это за скатерть или

о чем может напомнить туфля без каблука... Ты больше не ты, потому что... не мой. Ты не мой, потому что я сейчас убиваю свою память, чтобы ненароком не убить тебя. *(Глядя на вещи, виновато.)* Вы больше никому не нужны. Вы сейчас прямо и умерли. А покойника в дом не берут... Что мне с вами делать?.. Вы – мой позор, вы напоминаете мне о моем счастье, а я уже не верю, что оно когда-то было. Вы – мертвые, но вы убиваете во мне веру... Как от вас избавиться? *(«Окну».)* Прости, любимый, они явно тебе не нужны, ты убил их первый, когда... Не могу выговорить «изменил». Почему, собственно? Ты это сделал, а я слово произнести не могу?.. Да потому, что не уверена, будто совесть не мучает тебя или не мучила хоть мгновение или, может, мучает сейчас?.. *(Со злорадством.)* Как же хорошо меня знает моя мать: еще немного и я буду просить прощения у этого запрограммированного негодяя! С меня станется... Значит, к черту сентименты, давай разберемся с судьбой этого хлама. Мне он не нужен, тебе – подавно... *(Едко.)* Остается твоя любовница... или твоя жена, не знаю, в каком статусе она лежит сейчас рядом с тобой. Это старье она спокойно бросила бы на помойку или... *(От новой мысли настораживается. После паузы принимает решение, встает и, не оглядываясь, убегает.)*

Музыкальный лейтмотив.

Когда она входит, в руках у нее ведро с помятыми краями, наверное, принесла со двора соседнего здания. Ставит ведро возле вещей, начинает искать зажигалку. Телефонный звонок. Не берет.

ЖЕНЩИНА. Что вам от меня нужно? Меня нет дома, я сплю, меня нет! Нет на свете. Оставьте меня в покое, дайте побыть одной и делать, что хочу и чего не могу не сделать... *(Звонок повторяется.)* Не отвечу, не надейтесь! Ах, вы всполошились, вы беспокоитесь, вам не спится? Почему?.. Вы задаетесь вопросом, а что остается делать покинутой женщине? Сидеть дома и реветь, спрятав голову под подушку, чтобы соседи не слышали? Или же искать способы, как уйти из жизни? По-вашему, третьего не дано? Я же неудачница, одним словом – не-сос-то-яв-шая-ся. *(Считая на пальцах.)* Несостоявшаяся балерина – раз, несостоявшаяся жена – два, несостоявшаяся мать – три... Понятное дело: моя любимая мамочка и моя верная подруга места себя не находят, мечутся в четырех стенах. Ни той и ни другой не пришло в голову

прийти ко мне, утешать в зоне бедствия, по-бабьи пореветь со мной, осушить мне слезы, пролить бальзам на мои раны. *(На миг отключившись.)* Ну и сказанула: «Пролить бальзам на раны!» *(Прежним тоном.)* Обе довольствовались звонками, советами на дистанции, бередили душу и вразумляли по телефону... Да здравствует тот, кто придумал мобильный телефон, как он облегчает жизнь любимым людям! Они-то хоть звонят, а он... он дрыхнет себе под своим черным шелковым одеялом. А почему?.. Да потому, что все трое уверены: из двух возможных вариантов я выберу первый, только первый – реветь! А я... *(С чувством бессилия мстить.)* А я сделаю им сюрприз – выдам третий вариант! *(Приспособив ведро, берет из кучи шарф, подносит зажигалку, зажигает и бросает в ведро.)* Сейчас загорится большой костер из этих неумолимых свидетелей моего недолгого счастья, моего разрушенного семейного спокойствия. Какой будет фейерверк! *(Бросает в костер вещи, одни с сожалением, другие с отвращением.)* Языки пламени дойдут до второго этажа... и он, наконец, проснется и вынужден будет выглянуть в окно. А я не спрячусь за чемодан, и не убегу без оглядки, я скажу: «Ну, сукин ты сын, ты этого хотел? Нашу с тобой испепелившуюся жизнь?.. Ну, смотри, и глаз не отводи, поздно уже, смотри и ничего не упusti, чтобы навечно осталась в твоей жизни та, что потеряла себя, свою любовь, свою гордость, которую ты пусть недолго, но любил, слышишь, любил!.. Я знаю, что любил, поэтому поджигаю не окно твое и не дом, а ту ненужную вещь, которая называлась нашей совместной жизнью... Костер этот – спасение, избавление: мое – от тебя и твое – от меня. Не надейся, я тебя никогда не прощу, до последнего моего вздоха буду помнить себя в твоих объятиях и в этой туфле со сломанным каблуком, буду помнить заранее собранный твой чемодан, с которым ты ушел... Я тебе не прощу своего присутствия здесь и сейчас. А по утрам, заваривая кофе, буду вспоминать аромат того нашего кофе... Даже если меня засмеют все циники мира, я знаю, ты тоже будешь помнить, не каждый день, но раз в год вспомнишь обо всем этом. Не может все разом стереться в памяти. Вспоминать и эту скатерть, и меня в этом халате, и, конечно, аромат приготовленного тобой кофе, смешанный с запахом любви наших тел. Так и будет, я знаю и потому отпускаю тебя... даю тебе свободу перед лицом людей и бога. Ступай, любимый, спи спокойно, но, ради бога, сними ты эти белые тапочки,

обними ее – и засните оба под черным... нет, просто под шелковым одеялом. От этих моих идиотских слов сердце разрывается, но я должна их произнести – здесь и сейчас, чтобы жить дальше, жить в моей опустевшей, чисто прибранной квартирке. Жизнь не завершается, когда умирает любовь, она превращается в вереницу дней. И настанет тот день, когда я с чистой совестью скажу тебе: «Прощай!». А пока могу только отпустить тебя с условием, что никогда и ни за что не прощу тебя.

Вещи из чемодана закрывают ведро, потом она и сумочку выворачивает туда же.

В клубах дыма и бьющихся о стены языков пламени звучит музыкальный лейтмотив, под который женщина танцует так, будто изображает «Умирающего лебедя», но с гротескным оттенком. В кульминационный момент в глубине сцены зажигается яркий свет. Неподвижный мужской силуэт. Женщина встает, пытается заслонить собой ведро, начинает кашлять, задыхаясь от дыма. Когда поворачивается к залу, лицо у нее в саже, она должна походить на клоуна с размазанным гримом.

ЖЕНЩИНА (*силуэту*). Никого... то есть я. Кто я?.. Просто прохожая... случайно шла мимо... думаю, присяду, отдохну. Ничего не горит... Дым?.. Вам кажется, я только что курила, у моих сигарет очень неприятный запах... (*Постепенно робкий, вежливый ее тон становится агрессивным.*) А вы сами кто? Да, вы! Что значит, какое мое дело?.. Допросили? Допросили! Узнали, кто я? Узнали... Не узнали?.. Что нужно было – узнали... Главное, я не поджигатель. И не собираюсь поджечь дом. Послушайте, а вы кто такой?.. Появился, понимаете, ни свет ни заря, вопросы задает, обвинения предъявляет. Кто?.. Что ты сказал?.. А ну, придержи язык, подонок, много ты видел путанок, чтобы с первого взгляда различать!.. Сказала, заткни пасть и вали отсюда!.. Да, я должна поджечь этот дом... и право на это имею. Не смей подходить, я вооруженный стрелок, выстрелю и по стенке тебя размажу. Кто?.. Кто ты? Дворник этого дома?.. Скоро не будешь им, потому что я собираюсь поджечь твой дом номер тринадцать. Да, я... что слышал! Ч т о?.. (*Напрягается всем телом, растерянно.*) Как – не тринадцатый?.. А какой же? То есть четные номера здесь, а нечетные... (*Погасшим голосом.*) Ты хочешь сказать, что я ошиблась?.. (*С мольбой.*) Ладно, обещаю погасить костер, собрать манатки и убраться отсюда, если ты скажешь, что это тринадцатый дом... Нет?.. Тогда что же мне делать?

(Беспомощно оглядываясь вокруг.) Если это не тринадцатый дом, то и квартира не на втором этаже, и окно... *(С криком закалываемого животного падает рядом с ведром. Силуэт исчезает, свет гаснет. Что-то решив.)* Значит, все это было напрасно... Он в окно не выглянет?.. *(Пытаясь собраться с мыслями.)* Нет, так не может быть, я должна найти этот тринадцатый дом. Он сказал, напротив, по ту сторону аллеи... *(Окрыленная этой мыслью, вскакивает и уже собирается перейти к активным действиям, как взгляд ее падает на дымящееся ведро.)* Уже сжигать нечего... Все сожгла... *(Вынимает из ведра полусожженную трубку.)* А он не увидел... *(Телефонный звонок, к которому примешивается гудок пожарной машины. Она бессильно опускается возле ведра, вынимает обожженные остатки, повторяя сквозь плач и смех.)* Уточка-неудачница... Невезучая... Ну такая невезучая!..

Голос ее заглушается телефонными звонками и усиливающимися гудком пожарной машины.

Перевод Ирины КАРУМЯН